

III. СИЗИГИЯ : АНИМА И АНИМУС

Что же это за фактор, создающий проекции. На Восто-ке его называют "Пряхой" ¹ - Майей, своим танцем порожд-ающей иллюзии. Даже если бы мы заранее не знали символики сновидений, этот идущий с Востока намек навел бы нас на верный след: окутывающий, объемлющий и поглощающий элемент безошибочно указывает на мать ²

, то есть на отношение сына к его реальной матери, к ее образу и к женщине, которая для него станет матерью. Его Эрос пассивен как у ребенка: он надеется быть пойманным, втянутым, окутанным и поглощенным. В действительности он стремится попасть в обороня-ющий и питающий материнский зачарованный круг, в состояние младенца, избавленного от всех хлопот, испы-тывающего на себе заботу всего мира, который прямо-таки заставляет его быть счастливым. Неудивительно, что реальность исчезает из поля зрения!

Если эта ситуация драматизируется (ибо бессозна-тельное обычно драматизирует ее), то мы видим перед собой, в психологическом плане, человека, живущего регрессивно, стремящегося вернуться в детство, к своей матери, бегущего от холодного жестокого мира, отказав-шего ему в понимании. Зачастую рядом с ним действи-тельно находится мать, которая внешне немало заботится о том, чтобы ее сын стал мужчиной, но на деле не пренебрегает ничем в своих неустанных жертвенных стараниях помешать ему повзрослеть и жениться. Между матерью и сыном имеется тайный заговор, и можно наблюдать, как каждый из них помогает другому в преда-тельстве по отношению к жизни.

Кто из них виновен в этом - мать или сын? По всей вероятности, оба. Неудовлетворенную тоску сына по жизни и по внешнему миру следует принимать всерьез. У него есть подлинное желание соприкоснуться с реаль-ностью, заключить в объятия землю и заставить житейс-кую ниву приносить плоды. Однако же все, что он делает, - не более чем серия судорожных попыток, ибо и его инициатива, и его способность к постоянству подор-ваны таящейся в нем памятью о том, что мир и счастье в мире можно получить как дар - от матери. Тот участок мира, с которым он, как всякий человек, вынужден сталкиваться снова и снова, всегда в какой-то степени неправилен, поскольку не падает ему в руки, не бежит навстречу, а сопротивляется, требует

завоевывать себя и слушается только силу. Он, этот мир, предъявляет требования к мужеству человека, к его рвению, прежде всего - к его смелости и решимости, когда доходит до того, что самое бытие его ложится на чашу весов. Здесь ему потребуется вероломный Эрос, способный подвигнуть его на забвение матери и на тяготы первой любви в его жизни. Но мать, предвидя такую опасность, старательно воспитывала в нем добродетель верности и преданности, дабы предохранить его от риска моральной дезинтеграции, сопутствующего любым жизненным перипетиям. Он слишком хорошо усвоил эти уроки, а потому остается верен матери. Это естественным образом вызывает у нее глубочайшую обеспокоенность (например, если в результате, он окажется гомосексуальным), но в то же время и дает ей бессознательное удовлетворение несомненно мифологического свойства. Ибо воцарившиеся теперь отношения между ними воплощают древнейший, священнейший архетип брака матери с сыном. В конце концов, что этот пошлый мир, с его актами гражданской регистрации, конвертами с зарплатой и ежемесячными взносами за квартиру, может предложить такого, что смогло бы перевесить мистический трепет *иерогамии*? Что окажется важнее увенчанной звездами женщины, преследуемой драконом, или же благочестивой тьмы, скрывающей брак Агнца?

Этот миф более, чем какой-либо другой, иллюстрирует природу коллективного бессознательного. На данном уровне мать одновременно стара и молода, она - и Деметра и Персефона, а сын - одновременно и супруг и дремлющий, свернувшись клубочком, младенец. Несовершенства реальной жизни с ее трудностями приспособления и многочисленными разочарованиями конечно же никак не могут конкурировать с этим состоянием не-описуемого совершенства.

Что касается сына, фактор, порождающий у него проекции, идентичен с образом матери, вследствие этого замещающим реальную мать. Проекция может быть устранена лишь тогда, когда сын увидит, что в царстве его психе присутствует образ не только матери, но и дочери, и сестры, и возлюбленной, и небесной богини, и хтонической Баубо. Любая мать и каждая возлюбленная вынужденно превращается в носительницу и воплощение этого вездесущего нестаряющего образа, соответствующего глубочайшей внутренней реальности мужчины. Этот небезобидный образ Женщины принадлежит ему, мужчине; она замещает собой ту верность, от которой он иногда вынужден отказаться в интересах жизни; она служит столь необходимой компенсацией за риски, жертву и борьбу, завершающуюся разочарованием; она - утешение за всю горечь жизни. И, в то же время, она - великая фокусница и соблазнительница, своей Майей завлекающая его в жизнь, - не только в ее осмысленные и полезные аспекты, но и в ее пугающие парадоксы и двусмысленности, сопряженные с балансированием между добром и злом, успехом и крахом, надеждой и отчаянием. Она, будучи источником наибольшей опасности для мужчины, требует от него максимальных усилий; и если он способен на них, то она отнесется к этому с благосклонностью.

Этот образ Шпиттелер называет "Госпожа Душа". Вместо такого названия, я предложил термин "анима", чтобы указать на нечто специфическое, для чего слово "душа" оказывается слишком общим и расплывчатым обозначением. Эмпирической реальностью, которую суммирует понятие анимы, является крайне драматическое по характеру содержимое бессознательного. Его, конечно, можно описать рациональным научным языком; но тогда совершенно не удастся выразить его живые характеристики. А потому при описании процессов жизни психе я намеренно и сознательно отдаю предпочтение драматическому, мифологическому способу мыслить и говорить: он не только более выразителен, но и более точен, чем абстрактная научная терминология, привычная игра которой - думать, что ее теоретические формулировки в один прекрасный день станут алгебраическими уравнениями.

Итак, фактором, порождающим проекции, выступает анима, точнее - бессознательное, представляемое анимой.

Появляясь в снах, видениях и фантазиях, она всегда принимает персонифицированную форму, показывая тем самым, что воплощенный в ней фактор обладает всеми примечательными характеристиками женского существа³. Она - не измышление сознания, а спонтанный продукт бессознательного. Она также - и не фигура, замещающая мать. Напротив, есть все основания считать нуминозные свойства, наделяющие материнский образ столь опасной силой, производными от коллективного архетипа анимы, заново обретающего плоть в каждом ребенке мужского пола.

Поскольку анима представляет собой архетип, обнаруживающийся у мужчин, то разумно будет предположить, что некий эквивалентный архетип должен иметься и у женщин; ибо как женский элемент служит компенсацией мужчине, так и мужской - компенсацией женщине. Я, однако, не хочу, чтобы из-за подобной аргументации создалось впечатление, что к установлению указанных компенсаторных отношений мы пришли путем дедукции. Напротив: для эмпирического постижения природы анимы и анимуса понадобился обширный, долгий и разнообразный опыт. Таким образом, все, что мы скажем об этих архетипах, либо поддается прямой проверке, либо благодаря фактам становится как минимум весьма вероятным. Вместе с тем, я полностью отдаю себе отчет в том, что сейчас мы обсуждаем пионерскую работу, по самой своей природе носящую временный характер.

Как мать для сына, так и отец для дочери оказывается первым, на кого фактор,

содержащий проекции, накладывает их. Практический опыт такого рода отношений складывается из множества индивидуальных случаев, представляющих в наше распоряжение всевозможные вариации на одну и ту же основную тему. Поэтому краткое их описание может быть только схематическим.

Компенсацией женщине служит мужской элемент; как следствие, ее бессознательное несет на себе, так сказать, маскулинный отпечаток. В результате возникает существенное психологическое различие между мужчинами и женщинами, и я соответствующим образом назвал фактор, отвечающий за создание проекций у женщин, словом "анимус", что означает "разум" или "дух". Анимус соотносится с отцовским Логосом, так же как анима - с материнским Эросом. Я, однако, не намерен давать этим двум интуитивным понятиям слишком уж специфические определения. Эрос и Логос я использую просто как вспомогательные понятия, позволяющие описать тот факт, что сознание женщины в большей мере характеризуется связующими свойствами Эроса, а не различением и познанием, ассоциирующимися с Логосом. У мужчин Эрос, то есть функция отношения, достигает меньшего развития, чем Логос. Напротив, для женщин Эрос - выражение их подлинной природы, тогда как их Логос зачастую представляет собой всего лишь досадную ошибку. Он порождает недоразумения, а исходящие от него интерпретации вызывают раздражение у друзей и родственников. Так происходит потому, что женский Логос составлен из *мнений*, заменяющих собою размышления; под мнениями я подразумеваю *априорные* предположения, претендующие на абсолютную истинность. Всем известно, что предположения такого рода могут

быть невероятно раздражающими. Поскольку анимус - великий спорщик, его действия лучше всего наблюдать во время тех дискуссий, в которых обе стороны считают себя правыми. Мужчины также способны спорить очень по-женски, когда бывают одержимы анимой и превращаются, таким образом, в анимус своей собственной анимы. Проблема тогда становится предметом их личных обид и тщеславия (как если бы они были женщинами); для женщин же она становится вопросом

силы -

силы истины, справедливости или какого-нибудь "изма", поскольку об их тщеславии уже успел позаботиться парикмахер. В женской аргументации большую роль всегда играет "Отец" (то есть, сумма расхожих мнений). Сколь бы дружелюбным и любезным ни был Эрос женщины, никакая логика на свете не сдвинет ее с места, если ею движет анимус. У мужчины зачастую возникает ощущение (не такое уж неверное), что только соблазнение, побои или насилие смогли бы оказать необходимое воздействие. Он не осознает, что эта в высшей степени драматическая ситуация тотчас бы пришла к банальному и тихому завершению, если бы он покинул поле битвы, оставив какой-нибудь другой женщине право продолжать сражение (своей жене, например, если она сама и не есть та "лошадь, которую занесло"). Такая здравая мысль почти никогда не приходит ему на ум, поскольку ни один мужчина не способен более пяти минут разговаривать с анимусом и не пасть жертвой своей собственной анимы. Всякий, у кого достанет чувства

юмора, чтобы беспристрастно выслушать вытекающий диалог, будет просто поражен изобилием общих мест, некстати применяемых трюизмов, клише, взятых из газет и романов, и всякого рода затертых банальностей, перемежающихся грубыми передергиваниями и умопомрачительным отсутствием логики. Этот диалог, независимо от его участников, повторяется многие миллионы раз на всех языках мира, всегда оставаясь в сущности одним и тем же.

Указанным примечательным фактом мы обязаны следующему обстоятельству: когда сходятся вместе анимус и анима, то анимус вынимает из ножен меч силы, а анима источает яд иллюзий и соблазна. Исход далеко не всегда отрицателен, так как оба участника в этой ситуации способны влюбиться (особый случай любви с первого взгляда). Язык любви удивительно однообразен, он пользуется затаस्कанными формулами с безграничным доверием и пиететом, и двое партнеров в который раз оказываются в банальной коллективной ситуации. При этом они разделяют иллюзию совершенно индивидуального отношения друг к другу.

Как в своих положительных, так и в своих отрицательных аспектах отношение "анима/анимус" всегда перегружено "ожесточенностью"; то есть оно эмоционально и, следовательно, коллективно. Аффекты понижают уровень отношений, приближая их к общей инстинктивной основе, где уже не может быть и речи о чем-то индивидуальном. Часто отношения продолжают идти своим путем независимо от людей, участвующих в них. И люди эти впоследствии не знают, что же все-таки случилось с ними.

Если облако "ожесточенности", окутывающее мужчину, состоит главным образом из чувствительности и раздражения, то у женщины оно выражает себя в виде упрямых мнений, предвзятых интерпретаций, инсинуаций, непонимания; все это направлено к тому, чтобы разрушить отношения двух человеческих существ (иногда эта цель успешно достигается). Женщина, как и мужчина, попадает в сеть иллюзий, сплетенных ее ближним демоном, и в своем качестве дочери, которая одна лишь понимает отца (то есть, всегда во всем права), переносится в некую волшебную страну, где она подобно овце пасется на лугу под присмотром пастуха - своего анимуса.

Анимус, как и анима, имеет также положительный аспект. Посредством фигуры отца он выражает не только расхожие мнения, но равным образом и то, что мы обычно называем духом, в частности - философские или религиозные идеи, или же, скорее, соответствующую им позицию. Анимус, таким образом, исполняет роль психопомпа, посредника между сознанием и бессознательным и персонифицирует последнее. Как анима, будучи интегрирована, становится Эросом сознания, так и анимус становится

Логосом; и, как анима наделяет сознание мужчины соотнесенностью и способностью вступать в отношения, так анимус придает сознанию женщины спо-собность к рефлексии, обдумыванию, самопознанию.

Действие анимы и анимуса на эго в принципе одно и то же. Это действие крайне трудно устранить, ибо оно, во-первых, обладает необычайной силой и мгновенно наполняет эго-личность несокрушимым чувством правоты и праведности. Во-вторых, исходная причина этого действия оказывается спроецированной и представляется заключенной в объектах и объективных ситуациях. Пола-гаю, обе названные характеристики можно проследить в качестве особенностей, присущих архетипу. Ведь архе-тип, конечно же, существует *априорно*. Возможно, этим объясняется зачастую совершенно иррациональное, но бесспорное и несомненное существование определенных настроений и предубеждений. Вероятно, на них также трудно повлиять именно из-за мощного суггестивного эффекта, исходящего от архетипа. Он зачаровывает соз-нание, берет его в плен, как бы гипнотизирует. Эго при этом часто испытывает смутное чувство морального пора-жения, после чего ведет себя еще более оборонительно, самоуверенно, с еще большим вызовом, создавая тем самым порочный круг, лишь усиливающий его чувство неполноценности. Тогда из-под человеческих отношений выбивается почва, ибо как мания величия, так и комплекс неполноценности делает невозможным взаимное при-знание, без которого отношений не бывает.

Как уже говорилось, легче проникнуть взглядом в тень, чем в аниму или анимус. Общаясь с тенью, мы имеем некоторое преимущество, даваемое нам нашим образованием, всегда старавшимся убедить людей в том, что они сделаны отнюдь не из чистого золота. Поэтому каждому из нас сразу же становится понятно, что подра-зумевается под "тенью", "низшими сторонами личности" и т.п. Если человек забыл об этом, его память с легкостью освежат воскресная проповедь, жена или налоговый инспектор. Однако если мы имеет дело с анимой либо анимусом, все не так просто. Во-первых, образование морального характера в данном плане отсутствует, а во-вторых, большинство людей вполне удовлетворяются своей самоуверенностью и предпочитают поносить друг друга (если не хуже!), но не признавать свои проекции. В самом деле, наличие иррациональных настроений у мужчин и иррациональных мнений у женщин кажется чем-то естественным. Можно предположить, что такое положение дел имеет инстинктивную основу и должно сохраниться навсегда, дабы увековечить Эмпедоклову игру любви и ненависти между элементами. Природа консервативна и неохотно допускает смену своего пути; самым упрямым образом она обороняет неприкосновен-ность заповедников, где обитают анима и анимус. Поэто-му осознать проекции анимы/анимуса намного труднее, чем признать свою теневую сторону. В обоих случаях нужно, конечно, преодолевать определенные моральные преграды в виде тщеславия, амбиций, самомнения, разд-ражения и т.п., однако в случае проекций к ним прибав-ляются всякого рода интеллектуальные затруднения, не говоря уже о содержимом проекции, с которым попросту неведомо что делать. В довершение всего

появляются сильные сомнения насчет того, не чересчур ли мы вмешиваемся в дела природы, извлекая на свет сознания вещи, которые лучше было бы оставить в покое.

Хотя я на своем веку встречал немало людей, способных без особых интеллектуальных и моральных затруднений понять, что подразумевается под анимой и анимусом, попадается и великое множество других, кому стоит большого труда увидеть в этих эмпирических понятиях что-либо конкретное. Это показывает, что эти понятия отчасти выходят за рамки повседневного опыта. Их непопулярность обусловлена именно их непривычностью. Как следствие, против них мобилизуются пред-рассудки, и указанные понятия табуируются, подобно всему неожиданному.

Так что потребовав рассеять проекции, поскольку это принесет пользу и преимущества во всех отношениях, мы сразу же вступаем на новую территорию. До сих пор каждый был убежден, что такие представления как "мой отец", "моя мать" и т.д., представляют собой не что иное, как верное отображение реальных родителей, во всех Деталях соответствующее оригиналу, и что, если кто-нибудь произносит слова "мой отец", за ними стоит именно то, чем его отец является в реальности. Человек и в самом деле думает, что имеет в виду своего реального отца; однако же, предположение о тождестве ничуть не создает самого тождества. Вот где вступает в действие заблуждение *enkekalymmenos* ("скрытый под покрывалом")⁴. Если в свое психологическое уравнение некий Икс введет имеющийся у него образ отца, который он отождествляет со вполне реальным отцом, уравнение не будет решаться, так как включенная в него неизвестная величина не согласуется с реальностью. Наш Икс пренебрегает тем фактом, что его представление о человеке состоит, во-первых, из полученной им по всей вероятности весьма неполной картины облика реального лица и, во-вторых, из проделанных им самим субъективных модификаций этой картины. Представление Икса о своем отце есть некая комплексная величина, за которую реальный отец отвечает лишь частично, а значительно большая доля ответственности за нее лежит на сыне. Это настолько верно, что всякий раз, когда последний либо критикует, либо превозносит своего отца, он бессознательно метит в самого себя, тем самым вызывая те же психические последствия, что и у людей, склонных пренебрежительно высказываться о себе или же, напротив, себя перехваливать. Однако, если Икс тщательно сопоставит свои реакции с реальностью, он получит шанс заметить, что допустил просчет, когда-то не сумев понять на основании поведения отца ложность своего представления о нем. Но, как правило, всякий Икс уверен в своей правоте, - а если кто-то и неправ, это без сомнения, другой. Если у нашего Икса недостаточно развит Эрос, то либо он останется индифферентным к неадекватным отношениям, сложившимся у него с отцом, либо его будет раздражать непоследовательность и вообще непостижимость отца, чье поведение на самом деле никогда не соответствует тому, каким Икс видит его. Вследствие этого Икс считает, что имеет полное право чувствовать себя обижаемым, непонимаемым и даже предаваемым.

Нетрудно представить себе, насколько желательно было бы в таких случаях устранить проекцию. И всегда находятся оптимисты, верящие в наступление золотого века сразу же, как только людям будет указан правильный путь. Однако, пусть попробуют объяснить этим самым людям, что те ведут себя подобно собаке, охотящейся за собственным хвостом. Чтобы заставить человека увидеть изъяны своей позиции, нужно гораздо больше, чем просто "сказать" ему, ибо в деле задействовано нечто большее, чем все подвластное обычному здравому смыслу. Здесь мы сталкиваемся со своего рода фатальным непониманием, в обычных условиях всегда остающимся вне пределов досягаемости. Это все равно, что ожидать от среднего законопослушного гражданина, чтобы он признал себя преступником.

Я упоминаю обо всем этом лишь для того, чтобы продемонстрировать порядок величины проекций анимы/анимуса, равно как и необходимых для их устранения моральных и интеллектуальных усилий. Не все содержимое анимы и анимуса, однако, является спроецированным. Многие из его компонентов спонтанно проявляются в снах и тому подобном; многие другие могут быть осознаны с помощью активного воображения. Так мы узнаем, что в нас живут мысли, чувства и аффекты, о возможности которых мы никогда и не подозревали. Естественно, подобная возможность покажется сущей фантастикой любому, кто не испытал ее на себе, - ибо нормальный человек "знает, что он думает". Столь детская поза, принимаемая "нормальным человеком", представляет собой попросту правило, и ни от кого неискушенного в данной сфере невозможно ожидать понимания действительной природы анимы и анимуса. Приведенные соображения вводят нас в совершенно новый мир психологического опыта, если, конечно, мы преуспеем в осуществлении его на практике. Тот, кто преуспеет, будет озадачен, узнав, насколько многого не ведает и никогда не ведало эго. Такие достижения в самопознании в наши дни все еще крайне редки, и обычно они заранее оплачены неврозом, если не чем-нибудь худшим.

В фигурах анимы и анимуса получает свое выражение автономный характер коллективного бессознательного. Эти фигуры персонифицируют те элементы его содержимого, которые, будучи извлеченными из проекций, способны интегрироваться в сознание. В этом смысле обе фигуры представляют *функции*, отфильтровывающие содержимое коллективного бессознательного и передающие его сознанию. Их поведение, однако, таково лишь до тех пор, пока тенденции сознания и бессознательного расходятся не слишком сильно. Если же возникает какое-либо напряжение, эти функции, прежде безобидные, в персонифицированной форме входят в конфронтацию с сознанием и ведут себя как целые системы, отколовшиеся от личности, или как некие частичные души. Данное сравнение неверно лишь в одном: ничего из ранее принадлежавшего эго-личности не откалывалось от нее - напротив, две упомянутые фигуры представляют беспокойное приращение к ней. Причина

подобного их поведения в том, что, хотя

содержимое

анимы и анимуса поддается интеграции, сами они не могут быть интегрированы, поскольку являются архетипами. В таком своем качестве они образуют фундамент психической структуры, в своей совокупности выходящей за пределы сознания и, следовательно, не могущей быть объектом непосредственного познания. Хотя действие анимы и анимуса можно осознать, сами они суть факторы, лежащие вне сознания, недостижимые для восприятия и воли. Поэтому, независимо от интеграции их содержаний, они остаются автономными, и об их присутствии всегда необходимо помнить. Последнее крайне важно с терапевтической точки зрения, ибо, непрерывно наблюдая за бессознательным, мы отдаем ему ту дань, которая в большей или меньшей мере гарантирует его сотрудничество. Как нам известно, с бессознательным невозможно "поладить" раз и навсегда. Фактически, одна из важнейших задач психической гигиены состоит в том, чтобы постоянно уделять внимание симптоматике бессознательных процессов и содержимого бессознательного, - по той простой причине, что сознательная психика подвергается опасности стать односторонней, заикнуться на проторенных дорожках или зайти в тупик. Дополнительная компенсаторная функция бессознательного дает возможность в какой-то мере избежать этих опасностей, которые особенно велики при неврозе. Полностью успешной компенсация бывает только в идеальных условиях, когда жизнь достаточно проста, чтобы можно было без колебаний и ошибок бессознательно следовать извилистым путем инстинкта. Чем более цивилизован, сознателен и сложен человек, тем менее он может следовать инстинктам. Его усложненные жизненные условия и среда влияют с такой силой, что заглушают тихий голос природы; ее голос замещают мнения, верования, теории и коллективные тенденции, поддерживающие собой все aberrации сознательной психики. Чтобы компенсация заработала, в таких случаях необходимо специально обращать внимание на бессознательное. В этой связи особенно важно не представлять себе архетипы бессознательного как стремительно меняющуюся фантазмагорическую неуправляемую картину образов, но видеть в них постоянно действующие автономные факторы (ибо таковыми они и являются).

Как показывает практический опыт, оба вышеуказанных архетипа наделены фатальностью, иногда способной приводить к трагическим последствиям. Они, в буквальном смысле, - мать и отец всех губительных сплетений судеб, и в этом своем качестве издавна признаны повсюду в мире. Вместе они образуют божественную пару⁵, один из членов которой, в соответствии с природой Логоса, характеризуется

пневмой

и

ноус (

Разум (греч.) -

Прим. пер.

),

подобно Гермесу, постоянно меняющему цвета, тогда как второй, сообразно своей природе Эроса, наделен чертами Афродиты, Елены (Селены), Персефоны и Гекаты.

Оба представляют собой бессознательные силы, фактических "богов", каковыми справедливо считал их древний мир. Называть их так - означает отвести им центральное положение на шкале психологических ценностей, принадлежавшее им всегда, независимо от того, признавалось ли оно на сознательном Уровне: ибо власть их возрастает пропорционально той мере, которую они оставляют в бессознательном. Те, кто не видит их, пребывают в их руках, - наподобие того, как эпидемия тифа более всего свирепствует, если его источник неизвестен. Даже в христианстве божественная пара не сошла на нет, но в лице Христа и Церкви - его невесты

6

заняла одно из высочайших мест. Такого рода параллели очень помогают нам в наших попытках отыскать верный критерий оценки значимости двух указанных архетипов. Все, что может сообщить о них сознание, малозначительно и почти незаметно. Лишь пролив свет на темные глубины психе и рассмотрев странные, извилистые пути человеческой судьбы, мы постепенно уясняли обширность влияния этих двух факторов, дополняющих собой нашу сознательную жизнь.

Подводя итоги, я хотел бы подчеркнуть, что интеграция тени, или осознание личного бессознательного, знаменует первый этап аналитического процесса, и что без него невозможно осуществить признание анимы и анимуса. Тень может быть осознана только через взаимоотношения с партнером, анима же и анимус - только через отношения с партнером противоположного пола, ибо лишь внутри таких взаимоотношений начинают действовать их проекции. Признание анимы у мужчины создает триаду, одна треть которой трансцендентна: триада состоит из мужчины-субъекта, противоположного ему субъекта-женщины, и трансцендентной анимы. У женщины ситуация обратна.

Недостающим четвертым элементом, который превратил бы триаду в тетраду, у мужчины будет архетип Мудрого Старца (мною здесь не обсуждавшийся), а у женщины - Хтонической Матери. Все четыре элемента вместе образуют наполовину имманентную и наполовину трансцендентную тетраду - архетип, который я называю *брачным*

кватернионом

7. Бр

ачный кватернион служит исходной схемой не только для самости, но также для структуры первобытного общества с его кросс-кузенными браками, брачными классами и разделением поселения на четыре квартала. С другой стороны, самость есть образ Бога; по крайней мере, она неотличима от него. Духу раннего христианства не было чуждо знание об этом, - иначе вряд ли Климент Александрийский сказал бы, что тот, кто знает самого себя, знает и Бога

8

.

1 Erwin Rousselle, "Seelische Führung im lebenden Taoismus", Pl.I, pp. 150, 170. Руссель называет пряху "животной душой". Имеется расхожая фраза "прялка пришла в движение". Я определил аниму

как
персонификацию бессознательного.

2 Здесь и далее, слово "мать" понимается не в его буквальном смысле, но в качестве символа всего, что обладает материнской функцией.

3 Анима, конечно же, является характерной фигурой в художественной литературе. В числе

свежих
публикаций
об
аниме

: Linda Fierz-David,
The Dream of Poliphilo,

а
также
моя

"Psychology of the Transference".

Анима как психологическое понятие впервые появляется в XVI в, у гуманиста Рихарда Вита. См. в моей работе

*Mysterium
Coniunctionis*

,
par
.91
ff
.

4 Данный парадокс, восходящий к Эвбулиду из Мегары, таков:

"Можешь ли ты узнать своего отца?" - Да. "Можешь ли ты узнать этого человека под покрывалом?" - Нет. "Этот человек под покрывалом - твой отец. Следовательно, ты и можешь узнать своего отца и не можешь узнать его".

5 Естественно, это - не психологическое и, тем более, не метафизическое определение. Как я указывал в "Отношение между Я и бессознательным", сизигию составляют три элемента: женское начало в мужчине и мужское начало в женщине; имеющийся у мужчины опыт общения с женщиной (и наоборот); и, наконец, мас-кулинный и фемининный архетипические образы. Первый элемент может быть интегрирован в структуру личности посредством процесса осознания, последний - не может.

6 "Ибо в Писании сказано: Бог создал мужское и женское; мужское есть Христос, а женское есть Церковь". - *Второе послание Климента Коринфянам*, XIV, 2 (перевод Лейка I, р.151). В иконографии место Церкви часто переходит к Марии.

7 "The Psychology of the Transference" Ср. ниже, пар. 358, ква-тернион наассенов.

8 Ср. ниже, пар. 347.